

ГРОМЧЕ, ЧЕМ ВЫСТРЕЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РИАННА БЛЭКВУД

18+

Рианна Блэквуд

Громче, чем выстрел

«Автор»

2026

Блэквуд Р.

Громче, чем выстрел / Р. Блэквуд — «Автор», 2026

Рейчел Кальдерон не планировала быть героиней триллера. Она просто хотела отомстить за мужа, которого уволили по ложному обвинению, и не подозревала, что пара фотографий чужой интрижки превратит ее жизнь в ад. Убийца идет по пятам, тела плавают от жары, и каждый вздох звучит громче, чем выстрел.

© Блэквуд Р., 2026

© Автор, 2026

Рианна Блэквуд

Громче, чем выстрел

Глава 1. В объективе камеры

Я сняла джинсовые шорты, и капля пота пробежала между лопаток к пояснице, где резинка чёрных кружевных трусиков уже промокла насквозь. По ощущениям, салон фургона нагрелся под 80. Весь Фриско, привыкший к океанской прохладе, сейчас плавился от жары: асфальт напоминал карамель, чайки на пирсе сидели с раскрытыми клювами, туристы вместо открыточного вида получали тепловой удар. Кондей, конечно, не работал — в подержанном «Форд» 1993 года ни одна деталь не работала как надо, с первого же дня покупки. Рич ничего не починил, хотя обещал, а я не отвезла машину в ремонт, хотя тоже обещала. Теперь я расплачивалась за это каждым сантиметром кожи. А еще ненавидела жару, ибо восемь лет прослужила в 89-м экспедиционном батальоне связи посреди Сирии, где кондиционер считался предметом роскоши, а температура в серверной поднималась до пятидесяти пяти градусов.

Я поболтала остатки воды в бутылочке и смочила пальцы, шею. Протерла от пота фотоаппарат и в сотый раз навела длиннющий объектив, купленный на распродаже списанного армейского оборудования. Фургон я припарковала в переулке у Сезар-Чавес, задом к помойке корейского ресторанчика, откуда несло кислым кимчи. Через дорогу высилась моя цель: жилой аквариум «Эмеральд-Тауэр». Он стеклянным шприцом втыкался в плоть района, который еще десять лет назад считался рабочим, а теперь пестрел веганскими кофейнями с миндальным молочком и студиями йоги-пилатес-вставьте сами. На семнадцатом этаже хорошо просматривалась квартира 17G, не указанная в налоговых декларациях Гарри Осгуда Федерера. Я вычислила ее месяца два назад, когда перебирала массивы данных из открытых реестров с упорством трюфельной свиньи. Сейчас квартира была пуста и чиста: мраморно-белые диваны, стеклянные столики, картины того художника, который тупо рисовал квадраты из разных цветов и этим прославился.

Ни души.

Я вздохнула и включила ручной вентилятор. Батарейка окочурилась еще час назад, но иногда что-то в ней оживало, и секунд тридцать она обдавала меня призрачным эхом океанского бриза.

Утешало одно: Федерер не мог не прийти. Если у человека обнаруживается незадекларированное имущество — оно зачем-то нужно.

Федерер. Даже фамилия его звучала как название дорогого сыра с плесенью. Два года назад этот IT-гандон, основатель соцсети «Сэнди», уволил моего Рича по надуманному обвинению в нарушении протоколов безопасности. Ладно бы деньги, ипотека и пятничные поездки в ресторан, но Рич впал в ДЕПРЕССИЮ. Ага. В ту самую штуку, когда человек неделями смотрит рекламу барбекю, потому что нет сил переключить каналы, и носит одну и ту же футболку, потому что нет сил ее снять. Я пробовала всё: психотерапевтов, антидепрессанты, путешествия, секс. Однажды я забралась на член Рича в костюме той девки из «Марвелл», но почувствовала, что он думал о чем-то другом, может, о тех самых протоколах безопасности — и сдалась. Наша интимная жизнь превратилась в пересохший дамасский колодец, куда я изредка бросала ведро, но доставала только песок.

Поэтому я прошерстила все, что смогла найти на Федерера, а теперь пару раз в неделю сидела в раскаленном фургоне с фотоаппаратом «Никон». Следила. План был простой и ясный, как техническая спецификация: задокументировать «грязное белье» и потом шантажировать Федерера, требуя восстановить Рича.

Федерер пока не появлялся, и от скуки я разглядывала другие окна «Эмеральд-Тауэр». Был день, все обитатели жилого комплекса, видимо, охлаждались под офисными кондиционерами в центре. В одной квартире орудовала домработница — судя по форме и унылому виду. Другую закрывал от меня рекламный щит с размытым крылом и музейной выставкой «Пределы». В третьей — женщина ублажала себя фаллоимитатором.

Что?

Я машинально подкрутила фокус и поймала в перекрестье тело — несовершенно, с животиком и маленькой грудью. Странное дело, глядя на чужую наготу, я почувствовала не осуждение и не превосходство, а зависть. У женщины в одной руке был ярко-розовый вибратор, который она медленно вводила в себя, лежа на кровати. Вздрагивал животик, сокращались мышцы бедер, женщина запрокидывала голову, открывая рот в беззвучном стоне. Это было так откровенно, так по-человечески незащитно, что у меня запершило в горле. Я вдруг представила, как лежу где-то в отеле на Карибах и трахаюсь до оргазма с каким-нибудь местным Пабло, ни о ком не думая, ни за кого не отвечая. Последний раз я испытывала что-то подобное года три назад, когда вернулась из командировки под Алеппо, и мы с Ричем занимались любовью прямо на кухонном полу, среди китайской лапши и чипсов.

Женщина, словно услышав, встала на четвереньки и продолжила свое дело. Силиконовый член помелькивал в моем объективе ярко-розовым, рот женщины приоткрывался все шире, спина выгибалась.

Ох.

Я опустила фотоаппарат на приборную панель и подергала майку. От пота к ней прилипла и спина, и обивка сиденья. Под мышками и на груди образовались пятна — никакой дезодорант не спасал, когда солнце висело прямо над головой.

Под трусиками было еще хуже, потому что я покупала их для соблазнения Рича, а не для комфорта. В голове мелькнула шальная мысль, и поначалу я отбросила ее, но потом огляделась по сторонам.

Честно говоря, мой переулочек был идеален для наблюдения всем, кроме зависшего солнца. Глухие стены магазинов вырастали справа и слева, мусорные баки и забор корейцев защищали сзади. Меня не видел никто, кроме водителей проезжавших по Сезар-Чавес машин, но им пришлось бы заехать сюда и еще бороться с солнечными бликами на стекле.

Жара в фургоне стала невыносимой. Пот катился по вискам, по шее. Я осмотрелась на всякий случай еще раз и стянула майку судорожным движением. Легче не стало. Тогда, помедлив долю секунды — словно прощаясь с остатками нормальности — я стянула трусики. В промежности стало чуточку прохладнее, и я провела ладонью по лобку, чтобы стереть пот. Затем еще раз — слегка задев половые губы.

Впервые в жизни я подумала, что на слежку можно брать фаллоимитатор, а потом мой взгляд упал на ручку переключения передач.

— Ты сходишь с ума от жары, — сказала я и помахала на себя ладошкой. Проверила квартиру Федерера — там ничего не менялось. Проверила женщину с фаллоимитатором — она приставила его к стене и трахала себя задом наперед.

Головка переключателя снова притянула мой взгляд. Я уже сильнее провела рукой по промежности и сжала ноги.

Черт, мне недавно исполнилось двадцать шесть, до ранения я была здорова как лошадь, а мой последний «типа-секс» случился с углом стиральной машинки, настроенной на тысячу оборотов.

А вокруг никого.

Я перекинула правую ногу на пассажирское сиденье и передвинулась так, чтобы переключатель скоростей оказался у меня между ног. Потрогала его рукой: гладкая поверхность, казалось, приглашала к сотрудничеству в новой сфере. Я приподнялась, правой рукой развела

половые губы и медленно опустилась... мой клитор сдавила пластиковая головка переключателя, я еще немного сдвинулась, чтобы влагище нависло точно над ручкой. Во рту пересохло, между ног приятно тянуло. Я набрала воздуху в грудь и попробовала ввести в себя переключатель... стало больновато. Я пошире развела половые губы и попробовала еще раз, но снова уперлась в преграду.

Переключатель был слишком велик.

От усилий я взмокла и села обратно на водительское. В голове мелькнула мысль про другое отверстие, но оно у меня было еще менее, хм, развито — если вы понимаете, о чем я.

Несколько раздосадованная, я взяла фотоаппарат и снова посмотрела дом. У въезда появился синий «Шевроле». Я выпрямилась и подняла объектив выше: на стуле федереровской спальни повис ворох одежды. Я мгновенно забыла и про вибратор, и про все — вот! Вот! — на кухне 17G парочка знатно обсасывала друг другу гланды. Федерер был в светлых брюках и поло «Ральф Лорен», с залысинами, которые он тщетно маскировал зачесом. С ним пришла незнакомая девушка — не жена, это я знала точно, потому что миссис Федерер имела страницу в «Сэнди» с многочисленными фото рыжей красотки под сорокет и припиской «Член Правления». Незнакомка же едва достигла двадцати пяти, волосы ее блестели чёрным, а фигура, как и у меня, предполагала регулярные занятия кроссфитом.

Я сделала пару снимков, стараясь, чтобы лицо мужчины вышло четче, и переключилась на девушку. Тут пара плавно двинулась прочь от окна, исчезла на минуту-другую и появилась уже в спальне.

Они начали поспешно срывать с себя остатки одежды, а я фотографировала. Федерер — любовница. Федерер. Любовница. Щелкал затвор, капельки пота сбегали с висков к моей промежности.

Когда обоим уже полагалось нырнуть в постель, девушка встала перед Федерером на колени и обеими руками взяла снизу-сбоку свои груди. Я подумала, что легко угадаю продолжение, но ошиблась. Федерер провел по соску девушки головкой пениса, вложил его между ее грудей и задвигался. Я смотрела на это и тупо не могла оторваться. Федерер двигал тазом, член елозил между грудей девушки, а она слегка полизывала его головку, едва он приближался к ее лицу.

— Да уж, вы умеете проводить обеденное время, — сказала я парочке сдавленным голосом и сделала еще несколько снимков.

Внутри меня поднималась знакомая смесь отвращения, возбуждения и зависти. Я ненавидела этого человека за увольнение Рича, но не могла отрицать, что сцена передо мной имела какую-то животную, притягательную энергию.

Машинально я стиснула ноги и не удержалась — сунула руку в промежность, где намокло уже не только от пота. Мои пальцы коснулись клитора, и тело вздрогнуло. Я не делала этого уже несколько месяцев — всё как-то не было ни времени, ни желания, ни пространства. А теперь я позволила себе распуститься. Лизнула свои пальцы, провела ими по половым губам, собирая густую белесоватую жидкость. Затем подняла руку выше и сжала грудь.

По телу разлилось что-то острое и пряное. Я охнула. Мои ягодицы прилипли к кожаной обивке сиденья и, когда я пошевелилась, оторвались с легким скрипом.

Я навела объектив на Федерера, на лицо девушки. Та выглядела озорной и слишком молодой для этого кабана. И все же его член скользил между ее грудей, а она полизывала его, а я трогала себя между ног, сдавливая себе соски, вводила пальцы в свою дырочку.

Сначала это были простые круговые движения, потом я касалась уже глубже, сильнее, пока мое дыхание не стало прерывистым, как у астматика, забывшего ингалятор. Я подумала о Риче, о его апатичном теле на диване. Раньше он целовал меня в шею и шептал непристойности, и эти воспоминания — горькие, невыносимые — вдруг превратили обычное возбуждение в острую, почти болезненную потребность. Я задвигала рукой быстрее: клитор, дырочка,

живот, грудь; пальцы впивались в плоть, оставляли красные следы. Тело пульсировало, мышцы напрягались, а мир сужался до одной-единственной точки невозврата.

Федерер в квартире тоже ускорился. Девушка что-то говорила — я не слышала слов, но видела, как открывается ее рот навстречу его члену. Мы двигались вместе, как две детали разнесенного в пространстве, но отлаженного механизма. Я почти дошла. Мои бедра поднялись навстречу собственной руке, спина выгнулась, в горле застрял стон.

Вдруг что-то брызнуло на лицо девушки, и та замерла. Я тоже замерла — брызги были темно-красные.

Поначалу я даже не поняла, что произошло. Просто на том месте, где недавно торчал профиль Федерера с залысинами, возникло красное облако, а тело обмякло и сползло на партнершу. Девушка беззвучно закричала, я рефлексивно отдернула руку от промежности и вскочила, ударившись головой о низкий потолок фургона. Боль отрезвила. В висках стучало. Я схватила камеру и снова навела объектив. Тело Федерера лежало на полу в луже крови, девушка судорожно отползала прочь, как краб, размазывая красное по мраморно-белому дивану и собственным бедрам. Чуть ниже и левее, в расфокусе, стекло на окне покрылось сеткой трещин. В центре виднелось аккуратное отверстие. Профессиональный выстрел, подумала я с той отстраненностью, которая появилась у меня с первого ранения.

Снайпер.

Когда я опустила фотоаппарат, в мой переулок уже сворачивал полицейский патруль. В животе все смерзлось, волосы стали дыбом.

— Этого не может быть, — сказала я себе, но патруль издал кричащий сигнал и остановился. Дверца приоткрылась, из него тяжело вылез полицейский и направился ко мне.

Ко мне.

Зачем патрулю я?

Почему именно сейчас?

Я смотрела, как полицейский приближался, а на мне была только смазка из моего же влагалища.

Блядь. Блядь-блядь-блядь.

Я заметалась в тесном пространстве, хватая разбросанную одежду. Трусы нашлись под водительским сиденьем, майка — на панели приборов. Шорты я натягивала прыжками, словно кенгуру, получившее удар током.

Полицейский, кажется, заметил возню через лобовое стекло и даже приостановился. Внутри меня что-то вопило, но разум твердил: коп не видел меня ниже пояса. Он вообще толком не видел меня из-за солнца. Я спрятала фотоаппарат под сиденье, осмотрелась — ничего подозрительного: сумочка, моток кабелей, контейнер со штекерами и инструментом для обжимки.

— Мэм? — обратился коп подойдя.

— Ага-ага.

Голос предательски дрожал. Я распахнула дверцу фургона, стараясь принять максимально непринужденный вид, что было сложно с пульсом около ста двадцати.

— Жарковато, да? — добавила я и прикрылась ладонью от солнца. Ноздрей коснулся характерный запах собственной дырочки.

Полицейский критически оглядел меня, затем салон.

— Офицер Снейлер. Документы.

Я открыла бардачок и достала права из-под смятой упаковки чипсов. Полицейский приподнял черные очки и вчитался в карточку. Лицо у него было немного квадратное, на мой вкус, но с какими-то особыми голубыми глазами и старомодными бакенбардами.

— Ветеран? — проговорил он наконец с каким-то сомнением.

— Специалист по боевой документации и производству, но вообще, чем я только не...

— Могу я поинтересоваться, — с нажимом прервали меня, — что вы тут делаете, старший сержант Кальдерон?

— А в чем проблема?

— Вы припаркованы в зоне, запрещенной для коммерческого транспорта.

— Я просто... У меня тут технические работы. Проверка линии. Оптоволокно. — Я махнула рукой в сторону люка, который вел в подземные коммуникации. Люк выглядел как обычный канализационный люк, не имеющий к оптоволокну никакого отношения.

Офицер Снейлер вопросительно выгнул бровь, затем отошел назад и перевел взгляд на борт «Форда», где тянулись провода в логотипе интернет-провайдера «Селтик».

— Моя фирма. — Я кивнула. — Как говорится, чему только в армии не научишься.

Вообще, тут я не врала. У меня был симпатичный сайт о подключении интернета по «демпинговым ценам». Не знаю, как обстояло дело с остальными провайдерами, но пару раз в неделю я получала реальные заказы и худо-бедно находила нам с Ричем на пропитание.

— Вы, кажется, занервничали, когда я направился к вам, — заметил полицейский, возвращая права.

Десятки ответов пронесли в моей голове, которая за годы службы научилась импровизировать в самых безумных ситуациях. Был даже случай, когда ей пришлось объяснять командованию пропажу спутникового ретранслятора стоимостью два миллиона долларов. Но выдала я самое нелепое, что пришло в голову: стригла ногти.

— Мм? — удивился полицейский.

Я достала из бардачка пакетик, оставшийся от чипсов, и потрясла.

— Стригла ногти. На ногах. — Я показала на свои кроссовки. — У меня педикюр раз в месяц. А дома муж, Рич, не выносит этот звук. Говорит, как от пенопласта по стеклу. Вот я и делаю это в фургоне.

Полицейский несколько отодвинулся от пакетика, но, кажется, не поверил. Это читалось по его лицу — усталому от жары, но все еще способному к базовым логическим операциям.

— Мэм, сейчас я сообщу своим, что проверил подозрительную машину у Сезар-Чавес и ничего не нашел. Вам же советую уехать отсюда в ближайшие десять минут, иначе вернусь и выпишу штраф. Вам ясно?

— Да, офицер. Спасибо, офицер. Мизинчик достригу, и как не было.

Я присвистнула, изображая скорость, с которой покину район. Офицер Снейлер, видимо, этого не оценил. Он покачал головой, вернул черные очки на свои голубые глаза и пошел обратно к патрульной машине.

Кондиционер не работал, солнце палило. Я сидела у открытой двери фургона, чувствуя, как липкая смесь пота и собственных соков млеет на внутренней стороне бедер. Стыд накрыл меня только сейчас — не за ложь, нет, а за то, что пять минут назад я едва не кончила, глядя на чужой секс. И остановило меня только убийство!

Убийство! Я же не извращенка какая-то!

Минуты через две самобичевания я выдохнула, включила зажигание и медленно выехала из переулочка. В зеркале заднего вида «Эмеральд-Тауэр» уменьшался, становился игрушечным. Скоро он исчез за поворотом, и только красные пятна на моей сетчатке напоминали о недавнем убийстве.